

Ш е р х а н М У Р Т А З А

Луна и Айша

Роман - эссе

Перевод Г. Нурбеккызы

Библиотека Казахской Литературы

УДК 821.512.122
ББК 84(Каз-Рус)-44
М 79

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исмагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исмакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Шерхан Муртаза

М 79 Луна и Айша. *Роман*. Перевод с казахского Г. Нурбеккызы.
Астана: Аударма, 2009. – 488 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников **К. Тыныбекова, Б. Зауирбекова**

ISBN 9965-18-267-1

М $\frac{4702250201}{00(05) - 09}$

УДК 821.512.122
ББК 84(Каз-Рус)-44

ISBN 9965-18-267-1

© Издательство “Аударма”, 2009
© Иллюстр. “Государственный музей
им. А. Кастеева”

Предисловие

Имя Шерхана Муртазы по праву занимает одно из ведущих мест в казахской литературе. Его творчество отличается особой колоритностью, демократичностью, глубоким содержанием и сочувствием, любовью к простому казахскому народу, людям отдаленных аулов, родному краю и, естественно, вытекающим отсюда отношением ко всякого рода угнетателям, «жуанкулам», «тасбетам» и другим. Его творчество органически сочетает убежденно правдивый, реалистический показ жизни казахского народа с широкими обобщениями, символикой.

В его произведениях использованы разнообразные средства художественной выразительности, позволяющих автору добиться убедительности созданных им образов. Чувствуется, что все его герои не вымышленные персонажи, а имеют своих прототипов, они близки читателю по духу. Во многом это обобщенные образы, люди, которых мы видим ежедневно рядом с собой. Его проза изобилует диалектизмами, мудростью, свойственной казахскому народу фразеологией, она, как правило, насыщена яркими выражениями, пословицами и поговорками.

Роман «Луна и Айша» является библиографическим. Повествование идет от первого лица, от имени мальчика Барсхана. Главная героиня романа – Айша, мать автора. Ее он отождествляет с Луной. Если в мировоззрении маленького ребенка могущественным на небосклоне является Луна, то на земле, естественно, центром вселенной для него является мать, то есть – Айша. Отсюда и название романа «Луна и Айша». В образе Айши, как в зеркале отражаются образы тысяч казахских женщин, исконно приверженных семье, детям, близким и родным. Самоотверженность, с какой Айша ведет по жизни трех своих детей, трех сирот – «заиндевелых птенцов», оставшихся на ее попечении в голодные, холодные годы Великой Отечественной войны, после того, как ее мужа Муртазу арестовали как «врага народа» и сослали в Сибирь, ее борьба с местными угнетателями – «жуанкулами» и «тасбетами», противостояние их произволу, сила ее духа – все эти качества присущи казахской женщине. И несмотря на все перипетии и тяготы жизни, Айша воспитывает своих детей честными, добрыми и отзывчивыми, в духе любви и патриотизма к родине, к родному краю, к родной земле и отчему дому. Длинными холодными вечерами она рассказывает своим полуголодным детям историю их рода, родословную, разные легенды и

истории из жизни казахского народа, с одной стороны, отвлекая несмышленых детей от мысли об еде, с другой стороны, как истинная дочь своего народа, стараясь дать им все, что только может дать любящая мать, воспитывая детей в духе традиций предков, а не манкуртами, не знающих родства.

Для того чтобы дать документальную достоверность своему произведению, Шерхан Муртаза вводит в него реальных персонажей, которые играли немаловажную роль в истории страны. Одним из ключевых фигур романа является известный всему мировому сообществу легендарный батыр Бауыржан Момышулы. Читая роман, нельзя не обратить внимание на то, с каким мастерством автор переводит разрозненные факты, сугубо бытовые, казалось бы, истории в плоскость широких глубокомысленных, философских обобщений, свойственных казахскому народу. Например, если заблудившийся дикий, одинокий гусь олицетворяет человека без родины, то арлан, с которого заживо сдирают шкуру, превращается в символ стойкости, мужества, символ борьбы за справедливость, против насилия.

В романе «Луна и Айша» Шерхан Муртаза создал целую галерею колоритных образов. Среди его героев – рабочие и крестьяне, аульные начальники, немцы-переселенцы, люди разных национальностей, военком и финагент, и, естественно, сверстники героя – дети: разных возрастов, разного темперамента, с разным мировоззрением, разной внешностью – как сама жизнь. Каждый из них несет в себе какие-то признаки существенных сторон социальной жизни, а все вместе – воспроизводят картину быта и нравов своего времени.

На центральном месте, естественно, Айша и сам автор. Жизнь ставит их в разные острые ситуации, но каждый раз, благодаря силе характера, они выходят победителями, их воля только закаляется.

Роман «Луна и Айша» свидетельствует о прочной связи творчества писателя с национальными традициями художественного мышления, с народным фольклором, импровизацией, присущей казахскому народу. В произведении с большим мастерством и тактом использованы различные формы юмора – ирония, насмешка, шутка, забавные истории, легенды, которые призваны глубже раскрыть характеры героев, сделать образы более впечатляющими, запоминающимися. В романе большие цветовая гамма и палитра, много острот, которые часто афористичны и поражают неожиданными ассоциациями.

Можно с полным основанием сказать, что роман «Луна и Айша» правдив и поучителен, принадлежит лучшим достижениям казахской прозы, здесь автор возвышает человека из народа, раскрывает его духовную и нравственную силу.

Роман состоит из двух книг, на русский язык переведен впервые и предназначен для широкого круга читателя.

Гульмахира НУРБЕККЫЗЫ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Когда спросили у одного мудреца:

– Откуда держишь путь? – он ответил:

– Из страны детства.

Нет взрослого, который не пришел бы из “страны детства”.

Трудно представить человека, родившегося с бородой.

И я один из тех, пришедших из “страны детства”.

Мать звали Айша.

Мало ли, много ли – мне перевалило за шестьдесят.

Мало ли, много ли – написал крупные и мелкие книги.

Титулован званием “Народный писатель”. Не могу сказать, что все написанное на вес золота. Однако большинство сочных творений пропитаны впечатлениями того прекрасного времени, именуемого детством. Взрослея, пришлось повидать многое, побывать в разных уголках вселенной. Но все это не дало мне того духовного богатства, на которое было щедро детство.

Был в Париже – почему-то Париж не снился.

Был в Мысыре – он тоже не снился.

Не снились Китай, Монголия, Пакистан, Иран.

Был за океаном – в Техасе, в Чикаго, в Нью-Йорке – и они не посещают мои сновидения.

В юности 5 лет учился в Москве – тоже не снится.

Постоянно снится детство.

Ежедневно снится Мынбулак. Снится Аксу-Жабагылы.

Во сне постоянно вижу отчий дом.

Постоянно снится Айша. Муртаза снится редко, так как когда он ушел, мне было всего пять лет. Смутные воспоминания.

С возрастом все забывается быстро, сегодня увидел – на завтра забыл.

А вот воспоминания детства не забываются, все ярко, словно все происходит сегодня.

Так почему же, без напрасной потуги, не написать про детство?

И так, поклонившись духу предков и Айши, взялся за перо.

ПРЕДУТРЕННИЙ РАССВЕТ

Говорят, есть люди, которые помнят первые мгновения жизни, как только появились на свет. Кто-то якобы сказал: “Когда я родился, все в доме было пурпурно-красным”.

Не знаю. Видимо, я не такой уж сообразительный малый. Потому, как бы ни думал: “С какого времени помню себя, каковы мои первые воспоминания?” – нет, ничего не помню. Три года, четыре – все смутно. Мельком припоминаю, как Айнек апа (бабушка) несла меня на спине, у меня упала одна галоша, и как бедная старушка, вернувшись по своим следам, ищет мою галошу. Думается, коль я был на спине у Айнек апа, значит, не мог еще бегать самостоятельно.

А вот, как Муртаза разговаривал с русским Гришкой, помню ясно. Восточная сторона нашего дома. На Муртазе светлая шуба, отороченная черным микровельветом, на голове шапочка из такой же кожи. Края шапки – из шкуры черного ягненка. Рыжеватая борода.

Рядом – Гришка. Муртаза сидит на валуне. Гришка стоит. Наверное, была еще ранняя весна. Потому как, любуясь лучами солнца, оперевшись к стене дома, тут же стою и я.

Гришка – столяр. Столяр по дереву. Дом Амирекула, который перед нашим домом, ныне столярная мастерская. Комната на западной стороне – мастерская по дереву, комната на восточной стороне – кузница по железу. В одной из них – Гришка, в другой – Наметкул.

По моим предположениям, разговор о Наметкуле. Конечно, я не слушаю специально, но когда рядом разговаривают двое взрослых, не заткнешь же себе уши. Гришка виртуозно владеет казахским. Гришка говорит:

– Уже больше года, как ушла из жизни Зылиха Наметкула. Дочка Назипа тоже скончалась. Остались вдвоем с сыном Байбосыном. Нужно что-то предпринять, Муреке. – Ты прав, – сказал Муртаза. – И я все время думаю об этом. В стороне киргизов живет мой жезде (зять) Нуралы. Он говорит, что у них в ауле есть вдовья женщина, которая подходит Наметкулу.

– Тогда, нужно быстрее засватать, жалко бедного, – говорит Гришка.

А вот у Гришки есть сын и дочь. Сын постарше меня, зовут Гришкой. Интересный народ, русские. Отец Гришка, сын – тоже Гришка. Как будто имен не хватает. Когда Айша сказала об этом, Муртаза ответил:

– Это у них традиция такая, чтобы увековечить себя, чтобы не угас род, сына называют своим именем.

Надо же, увековечить себя? “А как же Муртаза?” – думаю я, “разве он не думает об этом? Почему же тогда мое имя Барсхан? Почему меня не назвали Муртазой?”

Много позже, когда уже Муртаза ушел из жизни, я спросил об этом у Айши.

– Пока есть ты, и есть Батырхан, имя Муртазы не угаснет, – Курмаш она почему-то не упомянула.

Дочь Гришки зовут Наташей. Моя ровесница. Когда я прихожу в мастерскую по дереву, старший Гришка стругает и жегалит длинные доски. Летят тонкие, скрученные стружки. Ими Наташа украшает свои светлые волосы, завязывает их. Обвязывает мотком мою голову и звонко смеется.

Затем мы все втроем – младший Гришка, Наташа и я, идем на склоны ущелья Бердимбет. Собираем цветы пажитника, дикой клещевины, срываем коробочки белены. На светло-серые цветы белены садится синяя бабочка. Мы стараемся поймать ее. Бабочка улетает. Мы, давай, гоняться за ней. Бабочка не дает себя поймать, находит какие-то ей ведомые кривые траектории, мы стараемся следовать им. Иногда падаем. Бежим к ручейку, которая серебристо журчит внизу ущелья. Однако бабочка не дает себя поймать. Оказывается, причина-то проста, у бабочки есть крылья, у нас-то их нет. Почему же всевышний всем наградив человека, пожалел крылья? Разве жалко? Много загадок, которых мы не понимаем.

Ныне удивляюсь. Тогда мы, четырех-пятилетние дети казахов и русских, на каком же языке мы изъяснялись? Абсолютно не помню. Однозначно, русским я не владел. Наверняка и русские дети не знали казахского языка. И как же мы понимали друг друга? Удивительно. Но точно знаю, что с утра до вечера играли вместе.

Видимо, у четырех-пятилетних детей есть такие способности, благодаря которым они понимают друг друга без знания языков. Взрослея, люди теряют эти способности, и начинаются споры “Это мой язык, а это твой”...

Семья Гришки исчезла за одну ночь, словно и не было ее. Когда спросил у отца, он ответил:

– Переехали в соседний аул.

Вот так, потеряв своих светловолосых друзей, я примкнул к своим чернявеньким, сопливым сородичам. Не мог же ходить один-одинешенек.

По нынешним моим подсчетам, это было на первое мая 1937 года. Муртаза взял меня с собой в соседний аул. Был праздник. Тогда я впервые увидел праздник такого масштаба. Народу – видимо-невидимо. Все одеты празднично. Такой нарядный мир. Повсюду музыка: поют, играют на домбре. Тогда же впервые увидел борьбу. По-моему была и байга (скачки). Народ веселился от души.

И вдруг... среди такой массы мельком увидел младшего Гришку. Возможно, я бы и не заметил его – детей-то тоже много, узнал по волосам. Словно в среду черных воробушек вклинился белоголовый. Муртаза как раз отвлекся, он и не заметил, как я быстренько дал деру.

Я подбежал к светлоголовому мальчугану. И он меня узнал. Обрадовался очень. Схватив меня за руку, отвел в сторону. Оказалось, что тут много и светловолосых. Никак не могу понять их язык. Особенно много женщин в пестрых нарядах, которые пустились в пляс. Кто-то тарабанит на инструменте, похожем на ящик. Одна русская женщина, увидев меня, запричитала:

– О, баранчук, хорош, хорош! – и угостила меня круглой сладкой булочкой. Сладостей у них оказалось много. В карман на груди бумазейной рубашки, которую сшила Айша, та женщина напихала мне конфет. Жаль, больше некуда положить. Пощупал брюки, там карманов не оказалось.

Где ж только мы ни были с младшим Гришкой, взявшись за руки. Один русский заставлял играть и плясать медведя в наморднике. Медведь то встает во весь рост, подобно человеку, то кувыркается через голову по траве.

Я, ничего подобного не видевший в своей жизни, не мог оторваться от такого зрелища. Но и подходить слишком близко, тоже боюсь. Младший Гришка, оказывается, не боится медведя, подошел к нему и угостил его конфетой. Медведь поймал в рот конфету, согнул колени и поклонился. Видимо, таким образом благодарил. Мы, давай, смеяться. Да, смех – это здорово. Кто бы ни смеялся, казах ли, русский, без разницы, смех есть смех. Я, например, не понял, о чем говорила эта толпа русских. Но над чем смеялись, сразу стало понятно. Хоть я и несмышленный малыш, мне ясно, что смех не нуждается в переводчике.

И так, забыв обо всем на свете, пока я забавлялся медведем, увидел, что народ начал расходиться. Опомнившись, побежал туда, где стоял отец, – его нет! Я, давай, реветь. Кое-кто начал спрашивать:

– Эй, чей это ребенок? Видимо, заблудился.

– Мальчик, ты чей? – спрашивали взрослые, наклонившись ко мне.

– Муртазы...

– Так, отец тебя искал, – молвил один.

Еще кто-то, посмотрев по сторонам, – сказал:

– Вон! Отец твой, скорее всего вон в той толпе, – и показал в сторону востока, туда, где возвращались люди в наш аул.

Я, заревев во весь голос, припустил бегом во весь опор. Казалось, эхо моего голоса слышно на весь мир. Прихватив лежавший на дороге зеленый прутик, мчусь во весь дух. Наконец-то догнал. А они взрослые: Мелдехан, Пешен, Байжуман, Алипбай, Муса, Шакалак и мой отец, Муртаза, идут себе, как ни в чем ни бывало.

Добежав, я начал лупить отца в спину маленькими кулачками. А ему хоть бы что, словно комариный укус. Это вызвало еще большее мое негодование. Я давай лупить его прутиком по ичигам. Луплю, луплю и реву во весь голос. Через определенное время, по-моему Мелдехан, прикрикнул мне:

– Тайт! (Восклицание, означает – прекрати!)

Мелдехан старше моего отца. У него большая серо-бурая борода. На голове – белый колпак. Одет в белые штаны с грязной ширинкой, галоши на босу ногу.

– Тайт! – сказал он. – Даже если Муртаза выпросил тебя у Бога и у всех святых, надев на шею бусы из пестрого гороха, принося в жертву баранов и другой скот, прекрати сейчас же. Что ты мешаешь взрослым разговаривать?

Другие путники смолкли, словно недоумевая, что ж это такой взрослый человек так порицает ребенка-несмышленища. Я посмотрел на отца, словно умоляя защитить меня. Думаю, мало того что оставил меня, так, поди еще и не заступится.

Муртаза, усмехнувшись, сказал:

– Мелдеке, это правда, я в самом деле выпросил Барсхана у Всевышнего.

Затем, схватив меня за руку, повел рядом с собой. Таким образом, мы с ним быстро помирились.

Муртаза не любил говорить много. Больше обо мне не сказано было ни слова. Взрослые тут же начали говорить о чем-то другом...

Позади слышались поющие голоса. Повернувшись, увидели Ташкена, его младшего брата Карибая, Оспаналы, Торекула, “молодежь” того времени.

– Да эти плуты наакались русской водки, – сказал Пешен.

Через некоторое время начались шум-гам, пьяная драка. Ташкен тащил, словно козла в кокпаре, своего брата. Оспаналы и Торекул вроде как хватали друг друга за шиворот.

– Эй, прекратите! – закричал Пешен.

– Да оставь их в покое, разве пьяные поймут, – сказал Мелдехан.

Вот так, с приключениями, добрались и до аула.

Таким образом завершился мой поход на той вместе с отцом. Возможно, он и раньше водил меня на праздники, но в памяти моей нет никаких воспоминаний.

Той зимой шестеро из тех, которые вместе возвращались с праздника, были арестованы. Кто-то написал на них донос. Один – из семерых. Всех шестерых сослали на ссылку. Да, чуть не забыл, один из них, Байжуман, сумел убежать в киргизские горы.

Много лет спустя, неоднократно возвращался мысленно к тому знаменательному тою первого мая 1937 года. Той, на который пошел вместе с отцом. Никак не мог понять одно: Муртаза вымаливает меня у всевышнего. И тем не менее, оставив меня среди русских, спокойно уходит домой. Почему же, интересно? Искал меня, оказывается. Так, не находя, почему возвращается без меня домой?

Возможно, чувствовал, что скоро я останусь без отца. Наверняка подумал, пусть привыкает к самостоятельности, готовится к перипетиям судьбы. Пусть привыкает к суровым испытаниям безжалостного мироздания, к самостоятельности.

Если он думал таким образом, то я во сто крат выполнил его задумку. Мое баловство, когда я плача во весь голос, лупил по голенищам ичиг Муртазы – так же как оборвавшийся полет бабочки, порхающей от цветка к цветку, было коротким. Труд и мучения – это половина беды. Пришлось много страдать от ложной хулы и клеветы. Много было напрасной борьбы. Если Муртаза хотел меня закалить, надежды его оправдались сполна. Ощущение, словно выбрался из пропасти. Я оказался жилистым. Слава аллаху, жив до сих пор, словно создан из сухожилия матерого волка.

ЗАИНДЕВЕЛЫЙ ПТЕНЕЦ

Для пятилетнего сытого, одетого, не ведающего печали ребенка вечерний зимний мороз, возможно, и интересен. Рассудок пятилетнего ребенка чист, как белый лист без пятнышка. Захватывающее зрелище, красивая картинка оставляют неизгладимое впечатление, словно на чистом листке.

Помню до сих пор: возле кузницы по железу, среди детей, игравших в асыки, был и я. Лучи заходящего солнца были пурпурно-красными, казалось, они способны растворить снежные вершины Таласских Алатау. А над Терискейским Каратау словно нависли стаи красновато-голубых птиц. Я, конечно, понимаю, что это тучи, но они мне напоминают гусей, засевших на Кошкарата.

Ощущение, будто горы плавают, но тепла нет. Мороз, словно целующий в алые щеки, есть только в нашем Жуалы, Мынбулаке.

Старший из ребят Сейсенбай все время помогает мне, заставляя других вернуть мои асыки даже в случае моего проигрыша. Хотя ребята постарше, кажется, побаиваются меня. К чему бы это?

С наступлением сумерек, все расходимся по домам. Перед неказистым домом, где расположена кузница, остаются только плуги и железные грабли. Они не мерзнут, для них здесь, все равно, что дома.

Не знаю, какой черт меня дернул, вбежал домой, выпуская изо рта клубы морозного дыма. С разбегу плюнул на стекло керосиновой лампы, которую включила Айша. Естественно, лампа треснула и разбилась. Огонь на фитили заплясал, словно вот-вот потухнет, но не угас. Резко запахло керосином.

Видя это мое беспардонное действие, Айша дернула меня за ушко, и без того опухшее от трескучего мороза. Я почувствовал как бы сильный укол, и тут же из ранки побежала кровь. Я начал реветь во весь голос.

Услышав мой голос, с улицы вбежал Муртаза. Увидев кровь, он тут же стал ругать Айшу. Что было дальше, не помню, видимо, уснул.

Проснулся глубокой ночью от крика Айши. В свете фонаря без лампы были видны чьи-то длинные силуэты. Они, подталкивая в спину, увели Муртазу на улицу. За ними крича выбежала Айша. Задрожав, неизвестно от чего, вышел и я. Несколько человек пошли в сторону ущелья. Заскрипел мост над ущельем. За ними, не отставая, бежала и Айша. Тут я ясно услышал голос Муртазы:

– Возвращайся назад! Дети испугаются!

Ночной мороз словно вторил этим звукам. Скрип шагов начал удаляться, ясно слышен треск только под ногами Айши.

Айша подняла меня, стоявшего словно призрак у дверей, прижала к груди, и, глядя на полную Луну, сказала:

– О Всевышний, чем же провинились перед тобой эти трое птенцов?

От ее голоса, словно, Луна перевернулась.

Я мигом повзрослел.

Видимо, осознал, что теперь нет отца, который заступится за меня.

Только что сиявшая Луна скрылась за тучи, и со всех сторон наступала первая ночь сиротства.

Айша завела меня за руку в осиротевший дом.

Это была лютая зима 1937 года.

Заиндевевшим сизым птенцом был я.

Теперь я все время начал проигрывать в асыки. Никто как раньше не заступался.

ОБОЛОЧКА ПРОСА

Неизвестно почему, но у всех солдат глаза были загноившиеся, лица отекавшие, серые. Возможно, не спят дено и ночью, бдительно сторожа “врагов народа”.

Народу прорва, видимо, стекаются не только из Мынбулака.

Наверное, “врагов народа” по Жуалинскому району не так уж и мало. Все хотят увидиться с заключенными, проронить хоть словечко.

– Говорят, их повезут в Аулие-Ата, – шепчет кто-то.

– Нет, расстреляют у реки Карасу!

– Прекрати! Скорее всего, сошлют в Сибирь.

– О, Боже! Спаси и сохрани!

Хоть я и пятилетний ребенок, от этих перешептываний у меня стынет кровь.

В здании тюрьмы одна единственная дверь. На двери небольшой глазок, словно глаз верблюжонка. Тысячи с надеждой глядят на этот глазок. Ощущаешь, что за этим глазком бурлящая жизнь.

Из дырочки высовываются чьи-то пальцы. Так больше же ничего и не пролезет. Странно, почему заключенные высовывают пальцы? Наверняка думают, “родные узнают по пальцам”. Да это ж напрасные хлопоты. Разве можно узнать человека по единственному пальчику?

А ощущение такое, словно пленники насмеваются над теми, кто на воле. Ясно, что им не до насмешек, однако, данное неуместное действие похоже на то.

Возможно, они ожидают от нас, дышащих воздухом свободы, стоящих под ясным небом, поддержки и помощи? Ведь утопающий хватается за соломинку. У них, наверное, те же ощущения.

Иногда палец исчезает, блеснет чей-то зрачок. То гаснет, то блестит. По моему предположению, узники по очереди смотрят на своих близких и родных.

Кажется, слышны задыхающиеся, гомонящие звуки. Стены тюрьмы очень толстые, звуки оттуда доходят до нас плохо. Наверняка, каждый зовет своих ближних, прощается с ними. Но ничего этого мы не слышим.

Айша потянула меня за рукав:

– Жаке (уважительное название Муртазы) здесь, внутри.

– Почему? – спрашиваю я.

– Не знаю.

– Что, мне подойти туда? – Я гляжу в лицо Айше. Она смотрит на милиционеров, стоящих как истуканы с ружьями наперевес. Стража начеку. Все смотрят на нас.

Как только милиционер с загноившимися глазами, стоявший перед нами, наклонился, чтобы прикурить, я живо оказался у дыры на тюремной двери. Но ростом я не доставал до нее, и, приподняв пятки, закричал:

– Жаке, Жаке!

Послышался чей-то приглушенный голос:

– Эй, Муртаза! Муртаза! Сын твой пришел.

– Отойди, отойди в сторону! Дай дорогу Муртазе!

Видимо, Муртаза находился далеко от двери.

Дошел, наконец-то!

– Барсхан! Барсхан! Это ты?

– Да, Жаке.

– Айналайын. (Ласковое обращение к младшим, обозначает “милый мой”, “светик мой”).

– Пойдем домой, Жаке! Айша плачет. Ты больше не ругай ее, хорошо?

– Скажи, чтобы не плакала. На, держи! – отец протянул мне свиток бумаги. В этот момент кто-то словно коршун схватил меня и вышвырнул. Я упал в сугроб головой. Меня подняли и стали отряхивать мою одежду. Очистили мою кроличью ушанку от снега.

– Не плачь, ты молодчина!

– Нет, я не плачу, – говорю я.

Подошла Айша, очистила мое лицо от прилипшего снега, и, прильнув щекой к моей щеке, задрожав, заплакала всхлипывая. Засунув мне в рот указательный палец, стала мять мне небо. Таким образом она как бы избавляла меня от испуга.

– Не плачь, – молвил я, повторив чьи-то сказанные мне слова.

Милиционеры стали свирепствовать.

– А ну, разойдись! Уходите! Иначе будем стрелять, – пугали они.

Один раз пальнули в небо. Вырвался дым. Начался шум-гам. Казахи, которые не боятся даже дракона, услышав ружейный выстрел, разбрелись кто куда.

Мы вернулись в аул. Когда вышли за селение, я отдал Айше свиток, который зажимал в ладони. Когда Айша развернула свиток, там оказалось четыре иголки. Иголки швейной машины. Толпа, которая была с нами, была удивлена. На бумаге не было никакой записи.

– И где же, интересно, Муртаза взял эти иголки? – сказал кто-то.

– В этом есть какой-то смысл, – говорит другой.

– Какой смысл?

Айша:

– На прошлые выходные он был на базаре, тогда, возможно, и купил, да забыл отдать.

У нас дома была швейная машинка “Zinger”, оставшаяся после бабушки Куникей...

По пути, на одиноком дереве, съезжившись, сидели воробьи. Они тоже словно делили скорбь людей. Кто-то из женщин (уже не помню, кто) затянула песню: “Родная страна, будь благополучной до встречи”. Мотив больше похож на поминальную песню по усопшему, нежели на мелодию.

– Да прекрати, не трави душу! – сказал один из путников.

– Почему же Муртаза дал иголки, в этом есть смысл, – все никак не успокаивался кто-то.

Мне до сих пор не понятно, какой был в этом смысл.

РЕБЕНОК, СОСАВШИЙ ПАЛЬЦЫ

Смутно помню знойный август тридцать седьмого, когда он родился. Мне было около пяти лет. На ложбинке Мынбулак сельчане поставили юрты, кажется, было время жатвы.

Батырхан родился тем летом в юрте. Стояли ясные летние денечки, люди приходили поздравлять с прибавлением в семействе.

Как бы то ни было, чувствую, что это были радостные дни.

Следом пришла осень, наступила зима. Праздники канули в лету. Муртаза был арестован.

На следующий день Айша со словами:

– Вряд ли ты теперь станешь человеком? – оторвала младенца от груди и бросила на кровать. До сих пор стоит в ушах горестный плач ненасытившегося материнским молоком ребенка, недовольного то ли судьбой, то ли тяжким бременем.

Полагаю, что больше этот ребенок так и не сосал от души материнскую грудь. Айшу ежедневно с утра гоняли на работу. Разве Тасбет пожалеет, разве скажет: “Оставайся, у тебя ведь грудной ребенок”.

Ребенок остался на попечении меня, шестилетнего, и Курмаш, которой было неполных четыре. Чего же хорошего ожидать от подобных опекунов.

Он не пошел как нормальные дети его возраста. Исполнился год, пошел третий – так и не встал на ноги. Умел только ползать, ходить на четвереньках. Сядет и сосет два пальчика руки. И без того тонкие пальцы стали к тому же белесо разжеванными.

В один из дней ребенок стал кататься по земле и пронзительно плакать. Его нянькой был я. А что я смыслю в этом. Ребенок не переставал визжать, стал на глазах синеть. Я поднял его и побежал к дяде Наметкулу в кузницу.

Наметкул – высокий, с приятным обликом, с очень сдержанным характером человек. Он помял животик Батырхану, заглянул в рот. Посчитал его белесые, тонкие пальцы. Будто кто-то отрезал ему пальцы, и поэтому он плачет. Пощупал ему попку, голени, пульс.

– Что он ел? – нажал на его выпученный живот.

Я-то откуда могу знать, что он ел. Что попадется, то и кушает. Да и что у нас кушать, кроме горсти крупы да чашки айрана.

Затем он посмотрел пальцы ног. Открыл между пальцами и воскликнул:

– О, боже, что же это делается?

Там кишмя кишели белые мелкие черви. Он, взяв в руки пинцет, словно очищая курдюк (надхвостье) ягненка, стал убирать этих червей. Как только он закончил чистить, так и ребенок, успокоившись, перестал плакать.

Возвращавшаяся с работы Айша, увидев нас, завернула к дому.

– Женеше, у Батырхана меж пальцев ног развелись черви, – сказал Наметкул. Айша тут же встала на дыбы:

– Да что там говорить, Муртаза сказал, когда уходил: “двоих старших хоть в мучениях, да доведешь до ума, а вот грудного.., ай, не знаю”. Святым он оказался, как в воду глядел. До сих пор безногий. Мне ли горемычной, смотреть за ним, когда? Барсхан, на которого была вся надежда, вон, поглядите на него, болтается целыми днями неизвестно где.

Айша кинулась на меня. Я отскочил, не дав себя поймать.

– Ну, подожди, придешь домой. Вот тогда, тогда и увидишь...

Наметкул сдержанно:

– Женеше, он ведь еще ребенок, ему, естественно, хочется поиграть. За ним за самим кому-то нужно присматривать.

Айша, присев на корточки, взяла к себе на колени Батырхана и, прижав его голову к высохшей давно груди, сказала:

– Ай, Мырза-ага, Вы что думаете, я ругаю оттого, что хочу ругать? Я ведь тоже огорчена и удручена. А так, что мне взять с Барсхана-то.

Одно дело сказать, а другое – делать. Позже, не только ругать, мне пришлось получить и хорошую взбучку.

То ли тридцать девятый, то ли тридцать восьмой год. Насколько помню, все то лето нас содержал Наметкул. Как бы то ни было, ясно помню: на горящих углях кузнечного меха печет нам яйца. Сначала завернет яйца в тряпку, затем

зарывает в горячую золу. Через некоторое время открывает, встряхивает золу с тряпки, чистит вареные яйца, белок дает мне, а желток Батырхану.

Батырхан, в основном, остается с Наметкулом, я же ухожу играть с ребятами. Иногда уношу Батырхана на спине, бегу за ребятами, играю возле водоема у дома Дошаная ата.

Водоем – это обычная запруда. Воды в Таласбайском роднике много. Преградив ее земляной плотиной, устроили себе водоем. По-нынешнему – “водохранилище”. Когда наполнялся водоем, вынимали пробку из дерна, фонтанирующей водой поливали свеклу и просо.

Когда наполняется запруда, образовывается небольшое озеро, даже тальники и рогоза остаются под водой. А что нужно ребятам, кроме этого. Знай себе, купайся целый день.

Другие дети плавают хорошо, а я вот не очень. Не знаю почему, никак не могу научиться. Такие, как Осер, Жолдасбек, чувствуют себя как рыба в воде, они переплывают ложбину с конца в конец. Бог и этим меня обделил.

Зато в игре “не дышать” мне нет равных. Сущность игры в том, кто дольше лежит под водой, не вдыхая воздуха, тот и побеждает. Проигравший переносит на спине победителя по земляной плотине туда и обратно. Всего лишь. Зато наносится урон достоинству. Победитель садится на спину поверженного и со словами: “А ну, мой ослик, скачи вперед!” бьет ногами по бокам. Самое настоящее издевательство. Иногда страсти накаляются до драк.

“Судья” Кенес ведет счет “раз, два, три!”, по окончании которого двое ребятшек сигают в воду. Раскорячившись, словно лягушка, ныряешь в воду, хватаешься на дне за рогозу и лежишь. Не дышишь. Будешь дышать – захлебнешься. Снаружи “судьи” ведут счет. Кто выйдет раньше – тот проигрывает. А я могу лежать очень долго. Даже открываю глаза под водой. Вижу двигающуюся, качающуюся рогозу. Под водой почти дремучий лес. Своеобразный мир. Между рогоз вижу моллюск, плывущих косяками. Возможно, мое внимание привлекает подводная жизнь, или в открытые глаза проникает воздух, не знаю в чем секрет, но я лежу себе под водой и лежу. Снаружи слышатся голоса:

– Может, он умер, – говорит кто-то.

Только тогда я отпускаю рогозу и выплываю на поверхность. Дети поднимают гомон, начинают мне аплодировать.

Проигравший Жолдасбек произносит:

– Слушай, наверное, ты дышишь через трубочку?

– Какая еще трубочка, если бы она была, то ее видно было бы на поверхности, – не сдаюсь я.

Жолдасбек хоть и неказистый, но старше меня. По этой причине ему не хочется быть моим “ослом”. Я тоже не уступаю. В конце концов начинается разборка на кулаках.

И вот, как раз в один из таких моментов, я услышал до боли мне знакомый пронзительный голос. Не знаю, откуда только привел ее господь, гляжу, ко мне во весь опор приближается Айша. На руках – Батырхан. Оказывается, уже наступил вечер и Айша вернулась с работы. Когда еще, давно-о-о я принес Батырхана на спине, посадил в траве на берегу ложбины (значит, озера) и, сказав: – Сиди, не двигайся, – убежал играть.

Когда я глянул пару раз, он так и сидел на корточках, не двигаясь. Оказывается, он, то ползая на четвереньках, то двигаясь на попе добрался-таки до берега. Когда пришла Айша, он уже наполовину лежал в воде. А если подвигался бы еще чуть-чуть, то упал бы в реку. А глубина там, с верблюжий рост.

Я не успел убежать. Убежал бы, конечно, но меня из вредности удержал Жолдасбек.

Крепко схватив меня за руку, Айша повела меня к роднику Жалбыз, что в ущелье Бердимбет. Посадив Батырхана у мяты, Айша стала топить мою голову в родниковой воде, приговаривая:

– Пусть голова твоя останется в воде, чтоб ты сам задохнулся в воде, нежели Батырхан. Вот тебе, вот тебе!

С другой стороны ущелья закричала Камка:

– Айша! Эй, Айша! Да прекрати же, несчастная! Говорила же я тебе, чтоб не трогала Барсхана. Говорила же, чтоб не лупила. Ну прекрати, милая.

Подняв Батырхана, Айша ушла домой.

Когда Айша лупила, топя в воде, я не плакал. А тут разревелся, глядя на неполную луну.

Кому же мне, горемыке, жаловаться, кроме Луны?

Камка, которая болеет за меня душой, сама калека. Муртаза, который обычно заступался и ругал Айшу ... и его нет. У Луны и без меня, наверняка, хватает печали. Грустит и молчит.

ЗМЕЯ, ПРОГЛОТИВШАЯ ЛЯГУШКУ

Мироздание многолико, как грани алмаза. Никто его до конца так и не познал. То ли мираж, то ли туман. Словно скатываешься с ледяных вершин гор Аспары, не знаешь где споткнешься, где упадешь. Например Муртаза. Кто думал, что он, родившийся у подножия Таласского Алатау, найдет вечный покой под сосной в чащобе Крайнего Севера.

Мир, наверняка, создан из чаяний, из мечты. Кто до конца постиг всего, чего хотел, угнался за мечтой?

Все живое на земле хочет жить, здравствовать. И у насекомых, и у всякой живности – у всех, возможно, есть мечта. Мы разве знаем об этом? Совершая грех, безжалостно растаптываем муравьев, разрушаем гнезда птиц, забираем их яйца, которые они отложили, чтобы вывести потомство. Все, оказывается, напрасно, все зря.

Возможно, в этом виновато детство, присущая тому возрасту шалость.

Сколько же раз в воде родника Таласбай мы истребляли лягушат, стреляя в них из рогаток, закидывая камнями. Какая досада!

Все это припоминаю потому, что впоследствии мне довелось видеть бедную лягушку в жалком состоянии, и поклялся себе, что никогда больше не буду обижать безвредных тварей.

После того случая, когда Айша лупила меня в воде родника Жалбыз, на следующий день я сидел дома, присматривая за Батырханом.

Айша перед уходом на свеклу, крепко наказала мне: “Вот только попробуй, выйди из дома и оставь ребенка, увидишь, вчерашнее тебе еще раем покажется!”, – и, взяв с собой торбу с бутылкой шалапа (напиток, смесь воды с кислым айраном), ушла.

Я маялся и так, и сяк. Ребенок тоже начал нудить. Наверное, тоже хотел на улицу. Не вытерпел. Посадил ребенка на спину. Он тоже, видимо, поднаторел в этом: чтобы не упасть, крепко обнял меня за шею своими тонкими белесыми пальцами. Прошли через ущелье Бердимбет, через ущелье Салби. Злые собаки Салби с лаем проводили нас. Наконец, дошли и до родника Таласбай.

Дети: Осер, Жолдасбек, Аманбай, Сурапалды, Тилепалды, Сулеймен... во всю играли у водоема. Да, были времена. Войны еще не было. Я подошел поближе к детям, спустил на землю Батырхана и сам сел рядом на корточки. Играть вместе с ребятней боюсь. Думаю, вдруг опять ребенок упадет в воду.

Они удивленно глянув в мою сторону, как бы говоря, что же не примкнешь к нам, вновь нырнули в воду. Опять начали игру “не дышать”.

Сижу и гляжу. Жолдасбек, поганец, без конца выигрывает. “Судья” Кенес, как обычно, ведет счет “раз, два, три!”... Жолдасбек ныряет, немного спустя быстро выходит на поверхность. Я бы лежал долго, а этот выходит быстро. Все равно выигрывает. “Ух, нечестивый”, – говорю я. Ко мне подошел Аманбай. “Пошли, иначе нам житья нет от него”, – говорит он. Он очень мягкий, как девчонка, добрый малый. Позже, он вместе с Осером закончил Сельскохозяйственный институт в Алматы, поехал в Актюбинскую область агрономом и скончался там от удара молнии. (Пусть дух его будет в раю!) Отец его, Колахан, ровесник Муртазы, был человеком уравновешенным, спокойным. Увидев меня, всегда гладил по голове. Не матерился, подобно Тасбету, Жуанкулу.

“Пошли!” – говорит Аманбай. Я пожимаю плечами и молчу. “Пошли, Барсхан”, – не отстает он. Я сижу, повесив голову. Он ведь тоже знает, что вчера мне досталось от Айши, да еще как!

Вроде все понимает, отойдет, нырнет, да вновь возвращается. Видимо, дыхания не хватает. Будь я, схватил бы рогозу и лежал бы себе. Наверное, он не знает, что нужно держаться за рогозу, быстро выплывает. Он был худющим, смуглым мальчуганом. А Жолдасбек, нечестивец, каким-то

образом выходит после него. Выигрывает. Он малорослый, но сбитый. И тут же садится на спину Аманбая. Тощий мальчик не может его поднять.

Кое-как переносит его по плотине туда и обратно. Жолдасбек, поганец, пинает его по бокам да издевается: “Давай, ослик мой, вперед!”.

Я не вытерпел, сказав Батырхану: “Сиди, не двигайся!”, – пошел к ребятам.

Говорю Жолдасбеку: “Давай, пошли нырять!” Слово “давай” я перенял у русских ребят из Евгеньевки. По трое-четверо, конопатые, рыжеволосые, когда они всем скопом избивали меня, кричали: “давай, давай!”

Кенес, раздув ноздри, тоже говорит “давай”. Мы бросаемся в воду. Я, крепко ухватившись за рогозу, ложусь на дно, открываю глаза и слушаю приглушенный голос Кенеса “раз, два, три... тридцать, сорок, пятьдесят”. Слышу, как зашумели дети. Это значит, Жолдасбек, не выдержав, выплыл на поверхность. Чтобы он потом не скандалил, лежу дальше. Когда слышу “сто”, не спеша выхожу из воды.

– Нечестно! – возмущается Жолдасбек. – Ты что-то там делаешь!

– Слушай, негодяй, я еще до ста лежал бы, но вышел раньше из-за Батырхана, – и ухожу в сторону ребенка.

Смотрю, он сидит, как-то особенно сосредоточившись. Обычно он егозил, глядя в сторону играющих. А тут застыл на месте и смотрит на куст мяты. Следом он вскрикнул. Я со словами: “Что случилось?”, – быстро к нему подбежал. Не смотрит. Тоненьким указательным пальцем показывает на корешок мяты. Глянув, я вздрогнул всем своим существом. Схватив Батырхана, попятился назад.

Свернувшись, лежит вся пестрая, большая змея. Рот алчно раскрыт, глаза прикрыты, вся в состоянии изнеможения. Во рту – зеленая лягушка.

Было видно только голову лягушки, вся остальная часть, кажется, полностью во рту змеи. Змея то открывает глаза, то закрывает, потихоньку извиваясь. Глаза лягушки вылезают из орбит, слышится слабый писк.

Все дети, бросив игру, подбежали смотреть на данное зрелище. Увидев, глотавшую лягушонка змею, все в испуге